

КНИГА / ЛИТЕРАТУРА / БИБЛИОТЕКА КАК АНТИЦЕННОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ В. БРЮСОВА И А. БЛОКА

Чавдарова Д.

Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Шумен, Болгария)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8076-0146>

Аннотация: Наряду с мифологизацией (аксиологизацией) книги / литературы / библиотеки в русской литературе проявляется и другая тенденция: бегство от книг. Творчество символистов занимает важное место в контексте литературных интерпретаций этой идеи. Задача настоящего текста – раскрыть концептуализацию книги / литературы / библиотеки в художественной концепции символистов, следуя за направлениями тематологии, концептологии и интертекстуальности, а также используя инструментарий семантического анализа поэтического текста. Наблюдения показывают, что в некоторых стихотворениях В. Брюсова и А. Блока книге / литературе противопоставляется «настоящая» жизнь. Этой своей концептуализацией книги упомянутые поэты развивают идеи сентиментализма (воплощенные в «Страданиях юного Вертера» Гете), романтический скепсис по отношению к «плодам» цивилизации, идеи Пушкина, Гончарова, Достоевского, Чехова о негативных последствиях литературности человека. Отрицание библиотеки в творчестве символистов мотивировано также апологией революции, которая включает идею скифского начала русской культуры, противостоящего «дряхлой» европейской культуре. Это приводит к выводу, что идея «естественного человека», развивающаяся в европейской литературе, приобретает в поэзии А. Блока и В. Брюсова специфически русские измерения.

Ключевые слова: Брюсов; Блок; символизм; библиотека; книга

THE BOOK / LITERATURE / LIBRARY AS A ANTI-VALUE IN THE WORKS OF V. BRYUSOV AND A. BLOK

Dechka Chavdarova

Konstantin Preslavski University of Shumen (Bulgaria)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8076-0146>

Abstract: In Russian literature, alongside the mythologization of book / literature / library, an idea is developed of the escape from book. The work of symbolist poets holds an important place amid the literary interpretations of this idea. The present text aims to uncover the conceptualisation of book / literature / library in the artistic concept of symbolism by following the course of thematology and conceptology, as well as using the instrumentarium of semantic analysis of poetic text. The observations show that in poems by V. Bryusov and Al. Blok the value of “real” life is opposed to book / literature / library. With this artistic concept the poets elaborate the ideas of sentimentalism (embodied in Goethe’s *Werther*), the romantic skepticism as to the fruits of civilization, the ideas of Pushkin, Goncharov, Dostoevsky, and Chekhov about the negative aspects of “literary man”. The negation of library in symbolist poets is also motivated by an apology of revolution, which in their body of work incorporates the specifically Russian idea of the Scythian element in Russian culture, coming to annihilate the old European culture. This draws the conclusion that the idea of “natural man”, developing in European literature, obtains in the poetry of Al. Blok and V. Bryusov specifically Russian dimensions.

Keywords: Bryusov; Blok; symbolism; library; book

Для цитирования: Чавдарова, Д. Книга / литература / библиотека как антиценность в творчестве В. Брюсова и А. Блока // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 76–84. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-06.

For citation: Chavdarova, D. (2021). The Book / Literature / Library as a Anti-Value in the Works of V. Bryusov and A. Blok. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 76–84. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-06.

Литература не только является частью мировой Библиотеки, она способна создавать свой образ Библиотеки, то возвышая, то снижая ее в соответствии с идеями разных культурных эпох и литературных формаций. Утверждение ценности книги / Библиотеки писателем закономерно и логично. Симптоматично, что самое воздействующее предупреждение об опасности уничтожения Библиотеки прозвучало именно в литературе (антиутопия Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту»). Отрицание книги / Библиотеки в литературе – акт, в котором скрыто самоотречение, исполненное глубоким и неоднозначным смыслом, вызывает у литературоведов сильный интерес. Парадоксальность обращения пишущего человека против книг подсказывает болгарский литературовед Никола Георгиев на примере Руссо, который «сам является страстным сочинителем книг» [Георгиев 2004]. Генезис проблематизации библиотеки в европейской литературе можно открыть в сентименталистском отрицании книги во имя «настоящей» жизни и органики чувства, или из-за ощущения бессмысленности всех начинаний, порожденного несчастной любовью («Страдания юного Вертера» Гете), а также в идее Гете из «Фауста», воплощенной в стихах «Суха теория: мой друг / А древо жизни вечно зеленеет». М. Матвеев открывает отзвук этой идеи в романе Булгакова «Мастер и Маргарита» – в образе Воланда, который располагается на крыше Публичной библиотеки в Москве и изгоняет оттуда Левия Матвея [Матвеев 2003 А]. Обращение упомянутого исследователя к образу библиотекаря / библиотеки в русской литературе свидетельствует о том, что интерес к данной проблематике проявляют не только литературоведы, но также социологи, педагоги, специалисты по библиотечному делу. В цикле статей, опубликованных в журнале «Библиотечное дело», М. Матвеев прослеживает развитие образа библиотекаря / библиотекарши в русской литературе XX века (в произ-

ведениях И. Бабеля, К. Вагинова, В. Каверина, М. Чернокова, М. Булгакова, А. Лиханова, в литературе соцреализма 1930–1980-х годов), извлекая типологию этого образа, раскрывая знаковость библиотеки в стереотипном сюжете соцреалистической прозы и выясняя мотивировку отрицательного знака библиотекаря / библиотеки [Матвеев 2003 А, 2003 Б, 2003 В, 2004, 2008]. В другом своем тексте исследователь связывает образ библиотеки в культурном сознании с философскими идеями XX века (позитивизмом, фрейдизмом, постмодернизмом), что демонстрирует более широкий культурологический подход к теме [Матвеев 2008]. В литературоведении интерес к фигуре библиотекаря связывается с актуальностью тематологии (в данном случае речь идет об исследованиях тематизации професий в литературе), а также концептологии¹.

Расширение контекста проблематизации книги / библиотеки в русской литературе предполагает обращение к осмыслению чтения писателем, которое можно проследить, начиная с литературы XIX века и до наших дней. В произведениях русских классиков чтение и библиотека / книжный шкаф как важный элемент интерьера дворянского дома обычно аксиологизированы, но в некоторых случаях их ценность поставлена под вопрос с разных точек зрения: романтического скепсиса (в образе Евгения Онегина), идеи Vanitas («Пари» Чехова), руссоистского идеала «естественного человека» («Казачи» Толстого), идеи русской естественности («Обломов» Гончарова). Произведения русской литературы являются часто и металитературными текстами, создающими образ самой литературы, то мифологизируя ее, то подсказывая опасность литературности восприятия жизни (образы Татьяны Лариной у Пушкина², «человека из подполья» у Достоевского, Лаевского в «Дуэли» Чехова) [Чавдарова 1997]. В рамках конвенций реализма упомянутые классики противопоставляют фикциональному миру литературы жизнь, утверждая представление об ее

¹ Концептология является ведущим направлением в современной лингвистике, при чем исследователи часто анализируют семантический объем концептов на материале литературных произведений. Для раскрытия концептуализации определенных понятий / явлений в творчестве писателя нужно однако выйти за границы чисто лингвистического анализа. В настоящем тексте объектом анализа является концепт книга / библиотека.

² Как известно, интерпретация литературности Пушкиным содержит полемику с поэтикой сентиментализма. Нужно уточнить, что, несмотря на эту полемику, литературность восприятия героини аксиологически двойственна: она чревата опасностью, но, вместе с тем, является средством познания себя и других, ответа на вопросы «Кто он?» и «Кто я?».

сложности и нетождественности литературным моделям. С точки зрения литературной аксиологии, опираясь на эти примеры, можем говорить о чтении как «негативной ценности» [Tyszczyk 1992].

В начале XX века в русской литературе усиливается усомнение в ценности книги/библиотеки, что можно связать с идеями, характерными для fin de siècle – усталостью от культуры, чувством ее кризиса. В стихотворении И. Анненского «Идеал» 1904 г. объектом горькой иронии является возможность постижения смысла бытия при помощи чтения: «И там, среди зеленолицых, / Тоску привычки затая, / Решать на выцветших страницах / Постылый ребус бытия» [Анненский 1988: 36]. Приведу по этому поводу высказывание одного из исследователей стихотворения – Н. Налегач: «Таким образом, рождается сложный символ болезненности и мертвящей опасности, таящейся в самом процессе чтения, в приобщении к чужому опыту» [Налегач 2006]. В стихотворении Ив. Бунина «Вечер» чтение проблематизировано с иной точки зрения – ценностного противопоставления жизни книге: «Окно открыто. Пискнула и села / На подоконник птичка. И от книг / Усталый взгляд я отвожу на миг»¹ [Бунин 1987: 247].

Отрицание ценности книги / литературы (поэзии) / библиотеки получает специфическую интерпретацию в творчестве (художественном и публицистическом) русских символистов. Парадоксальность такого отрицания раскрывается особенно ярко в контексте аксиологизации творчества в художественной концепции символистов и литературности / текстуальности их жизни. Тем не менее проблематизация чтения / книги в поэзии символизма имеет свое объяснение: это обращение к романтической традиции и, в частности, к идее бегства от цивилизации в поисках естественности (не случайно определение «неоромантизм» в исследованиях этого литературного направления).

В поэзии В. Брюсова упомянутая идея входит в противоречие с представлением о ценности книги / литературы: в стихотворении

«Творчество» 1895 г. представлена апология фикционального мира искусства, при чем значение 'сотворенность' подчеркнута тавтологическим выражением «созданные создания»: «Тайны созданных созданий / С лаской ластятся ко мне, / И трепещет тень латаний / На эмалевой стене» [Брюсов 1972: 16]. Двойственность концептуализации книги у Брюсова выражена в столкновении двух противоположных идей в стихотворении «У себя» 1901 г., в котором библиотека является знаком дома («Да, не ошибся я – я дома; / Цветы обоев, цепи книг»), но лирический «я» противопоставляет этот дом другому, более совершенному миру: «Но чую блеск иного света / Возможность новых совершенств!». Он осмысливает прежнюю духовную жизнь, прежнее вдохновение с помощью метафоры «остывший огонь», а свое преображение – сравнением со змеей, сбрасывающей свою кожу: «Я старый пепел не тревожу, – / Здесь был огонь и он остыл / Как змей на сброшенную кожу, / Смотрю на то, чем прежде был». Другой мир, в который лирический «я» убегает как от книг, так и от любви, воплощенной в мертвых знаках женских писем, это мир природы:

Меня зовет к безвестным высям
В горах поющая весна,
А эта груда женских писем
И не жива, а холодна

Лучей зрачки горят на росах,
Как серебром все залито...
Ты ждешь меня у двери, посох!
Иду, иду! Со мной – никто! [Брюсов 1972: 84]

В стихотворении «L'ennui de vivre» («Скука жизни») 1902 г. находит отклик романтический скепсис по отношению к любви, мыслям, книгам. Лирический «я» Брюсова, отождествленный с самим поэтом именем «Валерий Брюсов», актуализирует скуку Евгения Онегина, которому надоедают и любовные авантюры, и светские развлечения, и книги². В первой строфе развита тема усталости от жизни, от времени, означенном календарем, порождающей отрицание социальной роли поэта («Я жить устал среди лю-

¹ Эту идею Бунин развивает в своем рассказе «Книга» 1924 г.

² В. Брюсов ценит очень высоко Пушкина. В своем стихотворении «Первая русская книга после далеких скитаний...» он мифологизирует книгу Пушкина как знак Родины. Преклонение перед поэтом выражено также в научных исследованиях Брюсова, посвященных его творчеству.

дей и в днях / Устал от смены дум, желаний, вкусов, / От смены истин, смены рифм в стихах. / Желал бы я не быть „Валерий Брюсов“» [Брюсов 1972: 121]. Распад идентичности, дистанцирование поэта от его созданий находят выражение в персонификации стихов, которые не только начинают жить своей жизнью, независимо от своего создателя, но даже враждебно настроены к нему. Разочарование в книгах воплощено в метафоре «слова из книг истлевших в сердце-склепе» со значением ‘смерть книги’: «Со мной стихи мои бегут, крича, / Грозят мне замыслов недовершенных тени, / Спят глаза сверканья без числа / (Слова из книг, истлевших в сердце-склепе)». Последние два стиха осуществляют переход к второй строфе, в которой развита тема разочарования в женщинах и любви: «И женщин жадные тела / Цепляются за звенья цепи» [Брюсов 1972: 122]. Тема третьей строфы – мысли, которые персонифицированы и приобретают разные обличья («думы светлые, как ангел божий», «думы гордые [...] оскверненные притворством и игрой», «думы-женщины», «думы-карлики»): «Куда б я ни бежал истоптанной дорогой, / Они летят, бегут, ползут за мной!» [Брюсов 1972: 122]. Третья строфа привлекает сильнее всего наше внимание с оглядкой на тему библиотеки – в ней поэт интерпретирует культ лирического «я» к книгам и разочарование в них:

А книги... Чистые источники улады,
 В которых отражен родной и близкий лик,
 – Учитель, друг, желанный враг, двойник –
 Я в вас обрел все сладости и яды!
 Вы были голубем в плывущий мой ковчег
 И принесли мне весть, как древле Ною,
 Что ждет меня земля, под пальмами ночлег,
 Что свой алтарь на камнях я построю...
 С какою жадностью, как тесно я приник
 К стоцветным стеклам, к окнам вещих книг,
 И увидал сквозь них просторы и сиянья,
 Лучей и форм безвестных сочетанья,
 Услышал странные, родные имена...
 И годы я стоял, безумный, у окна!
 Любуясь солнцами, моя душа ослепла,
 Лучи ее прожгли до глубины, до дна,
 И все мои мечты распались горстью пепла.
 [Брюсов 1972:122]

Интерпретация книги в этом фрагменте содержит утвердившиеся в русской литературе метафоры «книга-друг», «книга-Учитель», но добавляет к ним противоположные по семантике метафоры «книга-враг», «книга-двойник». Антиномическое представление о книге выражено также оксюморонами «желанный враг» и антитезой «сладости и яды». Введение библейской символики – отождествление лирического «я» с Ноем – придает книге сакральность, определяя ее метафорически как «голубь, принесший Ною благовест». Замкнутость в библиотеке осмысливается как восприятие мира сквозь калейдоскоп, или сквозь окно «вещих» книг, приведшее к испелению, ослеплению души. Таким образом поэт-символист продолжает интерпретацию вторичности мироощущения «литературного» человека, нашедшую место в русской литературе XIX века (о чем упоминалось в начале статьи). Нужно отметить, что в конвенциях реализма утверждается «реальность» жизни в противовес фикциональности литературы, в то время как в конвенциях символизма созданному миру литературы противопоставляется ценность самой природности жизни. Брюсов предлагает свою интерпретацию проблемы, подсказывая аксиологическую двойственность книжного восприятия мира при помощи парадоксального образа ослепляющего взгляда. Последняя строфа продолжает тему преклонения лирического «я» перед создателями книг и потери собственного слова («О гордые творцы торжественных поэм, / Которым отроком я отдал дрожь и слезы. / Вы вырвали язык из уст моих – я нем, / И собственных речей не обретают грезы»). Парадокс в этом случае скрыт в противоречии между высказыванием «я нем» и актом самого поэтического высказывания, при чем многослового и искусного. Мотив немоты вызывает ассоциации с романтической идеей невыразимости, чья интерпретация также содержит парадокс¹.

В упомянутой строфе Брюсова вводится и новая тема, антитечная теме книг: утверждение «настоящей» жизни:

О, если б все забыть, быть вольным, одиноким,
 В торжественной тиши раскинутых полей

¹ Ярче всего эта идея выражена в стихотворении В. Жуковского «Невыразимое» 1819 г. и в стихотворении Ф. Тютчева «Silentium» 1830 г.

Идти своим путем, бесцельным и широким,
Без будущих и прошлых дней.
Срывать цветы, мгновенные, как маки,
Впивать лучи, как первую любовь,
Упасть, и умереть, и утонуть во мраке,
Без горькой радости воскреснуть вновь
и вновь! [Брюсов 1972: 123]

Библиотека и жизнь в цивилизации противопоставлены органическому существованию, природности на основе оппозиций время / календарь – вечность, несвобода – свобода, целесообразность – бесцельность, мертвое – живое, знание – забвение.

Отбрасывание книги / литературы во имя жизни интерпретирует также А. Блок. В стихотворении 1908-го года «Когда вы стоите на моем пути» лирический «я»-поэт осмысливает собственное слово как умерщвляющее: «Ведь я – сочинитель, / Человек, называющий все по имени, / Отнимающий аромат у живого цветка». Художественное видение Блока диалогизирует с романтической иронией Лермонтова в стихотворении «Не верь себе» (1839). Эта ирония мотивирует в стихотворении Блока отказ от любимой и отступление места в любовном романе другому – не поэту, обыкновенному человеку (жест, который порождает другой межтекстовой диалог – со стихотворением Тютчева 1839 г. «Не верь, не верь поэту дева»¹):

И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и небе. [Блок 1980:76]

Высказывание «рифмованные и нерифмованные речи о земле и небе» означает вторичную, отраженную жизнь в поэзии, но в нем закодирована и идея о разных степенях поэтической организованности и, следовательно, искусственности: на основе подобной градации определение «нерифмованные» актуализирует значение 'свобода' в термине «свободный стих» (vers libre). В семантической структуре стихотворения Блока свободный стих получает значение 'естественность, аутентичность'. Связь

стихосложения со смыслом стихотворения раскрывает Е. Эткинд. Литературовед задается вопросом: почему Блоку понадобилось отойти от обычной ритмической формы стихов? Изложив содержание стихотворения, он приходит к выводу, что «сама форма стихотворения отходит от литературных, условнопоэтических речей – она как бы воспроизводит непосредственную, предельно искреннюю интонацию разговора вполголоса, разговора, не нуждающегося ни в каких ухищрениях литературной формы» [Эткинд 2010: 103].

Тема бегства от книг в „настоящую“ жизнь развита и в стихотворении «Она пришла с мороза...» того же года, тоже в форме верлибра:

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к занятиям
Болтовней.

Она немедленно уронила на пол
Толстый том художественного журнала,
И сейчас же стало казаться,
Что в моей большой комнате
Очень мало места.

Все это было немножко досадно
И довольно нелепо.
Впрочем, она захотела,
Чтобы я читал ей вслух «Макбета».

Едва дойдя до п у з ы р е й з е м л и,
О которых я не могу говорить без волнения,
Я заметил, что она тоже волнуется
И внимательно смотрит в окно.

Оказалось, что большой пестрый кот
С трудом лепится по краю крыши,
Подстерегая целующихся голубей.

Я рассердился больше всего на то,
Что целовались не мы, а голуби,
И что прошли времена Паоло и Франчески
[Блок 1980: 77 – разрядка автора].

¹Жест лирического «я» Тютчева имеет однако другой смысл: любовь поэта у него осмысливается как испепеляющая, убивающая, – что в сущности утверждает силу поэзии и истинности чувства ее создателя. Стихотворения Тютчева и Лермонтова появляются в одном и том же году – 1839-м, что подсказывает возможность диалога (полемики) между двумя поэтами. Блок, развивая идею Лермонтова, со своей стороны полемизирует с Тютчевым.

Оппозиция 'жизнь – книга' выстраивается в художественном тексте при помощи противопоставления открытого пространства замкнутому. Нарушение закрытого пространства (дома лирического «я») осуществляется лирической героиней. Внешний мир получает значения 'простор' и 'жизнь', закодированные в высказываниях «она пришла с мороза», «аромат воздуха», «раскрасневшаяся», «звонким голосом». Эти высказывания создают представление о восприятии внешнего мира всеми чувствами, что является дополнительным знаком утверждения жизни и природности. Текст содержит однако и значения, которые нейтрализуют упомянутую пространственную оппозицию и придают лирической героине противоречивость: она вносит с собой жизнь, но, одновременно с этим, оказывается подвластной конвенциям культуры, играющей роль, неестественной. Противоречивость закодирована в высказывании «аромат воздуха и духов», в котором фонетически близкие слова «воздух» и «духи» имеют противоположные коннотации – 'природа' и 'цивилизация'. С точки зрения нашей темы симптоматично, что книга тоже превращается в знак конвенциональности и претенциозности: лирическая героиня вносит «толстый том художественного журнала» – жест, который лирический «я» оценивает как «досадный» и «нелепый». Отрицательный знак книги дополнен ее воздействием на пространственные восприятия хозяина дома, она создает у него чувство тесноты: «И сейчас же стало казаться, / Что в моей большой комнате / Очень мало места». Тема книги развивается в тексте и при помощи мотива совместного чтения влюбленных, характерного для поэтики сентиментализма. Блок трансформирует семантику этого мотива, разрушая созвучие между природностью и книгой и подсказывая конфликт между этими двумя понятиями / ценностями: совместное чтение «Макбета» прерывается новым нарушением замкнутого пространства – на этот раз движением изнутри наружу, осуществленным взглядом через окно – наблюдением целующихся голубей. Важно, что, несмотря на жест отвергания книги, лирический «я» ощущает непостижимость природности любви: «Я рассердился больше всего на то, / Что целовались не мы, а голуби».

Проблематизация ценности библиотеки в творчестве русских символистов вписывается также в интерпретацию соотношения между культурой и революцией («интеллигенцией и революцией») в эпоху перемен 1905–1918 годов. В русской литературе эта интерпретация, как известно, содержит мессианскую идею русской культуры, носительницы скифского начала, которая должна влить свежую кровь в остаревшую европейскую культуру. Припомню стихотворения символистов, вдохновленные идеей скифского элемента русской культуры: «Скифы» 1899 г., «Грядущие гунны» 1905 г. и «Мы – скифы» 1916 г. В. Брюсова, «Кочевники красоты» 1904 г. Вяч. Иванова, «Скифы» 1918 г. А. Блока. Поэты диалогизируют между собой: В. Брюсов отсылает к стихотворению Вяч. Иванова эпиграфом «Топчи их рай, Аттила!», а А. Блок – к стихотворению Вл. Соловьева «Панмонголизм» 1894 г. Перечисленные произведения являются важным свидетельством роли антицивилизационной тенденции в принятии и воспевании революции. Хотя эти стихотворения были объектом серьезного научного исследования, их стоит прочитать снова, поскольку воплощенная в них идея приобретает актуальность в современной русской культуре.

С точки зрения проблемы библиотеки особый интерес вызывает стихотворение В. Брюсова «Грядущие гунны», поскольку в нем библиотека тематизирована. Текст Брюсова утверждает идею разрушения европейской культуры и кровопролития как обновления (эта идея является основной также в «Скифах» Блока): «На нас ордой опьянелой / Рухните с темных становий – / Оживить одряхлевшее тело / Волной пылающей крови» [Брюсов 1972: 150]. В контекст темы одряхлевшей европейской культуры вписывается мотив уничтожения библиотеки: «Сложите книги кострами, / Пляшите в их радостном свете, / Творите мерзости в храме, – / Вы во всем неповинны, как дети!» [Брюсов 1972: 150]. Сожжение книг осмысляется как своеобразный пир образом танца гуннов около огня и эпитетом «радостный» (свет). В подобной интерпретации поэта содержится парадоксальный саморазрушительный пафос. В грамматике текста этот пафос проявляется в глаголах повелительного наклонения: «сложите», «пляшите», «творите» (мерзости).

Воспевание самоуничтожения находит прямое выражение в конце текста: «Но вас, кто меня уничтожит, / Встречаю приветственным гимном» [Брюсов 1972: 151]. Симптоматично, что в стихотворении Брюсова лирический «я» осознает себя частью европейской культуры, что выражено грамматически соотношением 'я – вы' (гунны), в то время как в более позднем стихотворении «Мы скифы» (как и в «Скифах» Блока), лирический «я» видит себя частью примитивной силы Востока. Это различие создаст ощущение, что в стихотворении «Грядущие гунны» пафос самоотречения сильнее.

В своем стихотворении «Городу» 1907 г. В. Брюсов мотивирует уничтожение библиотеки также и идеей социального неравенства, противопоставляя культурным ценностям гнев голодных масс:

Ты, хитроумный, ты, упрямый,
Дворцы из золота воздвиг,
Поставил праздничные храмы
Для статуй, для картин, для книг;

Но сам скликаешь, непокорный,
На штурм своих дворцов – орду
И плешь вождей на митинг черный:
Безумье, гордость и нужду! [Брюсов 1972:190]

Поэты-символисты интерпретируют проблему уничтожения плодов культуры (в том числе библиотеки) не только в своем художественном творчестве, но и в публицистических текстах. Приведу в пример широкоизвестную и часто комментированную литературоведами статью А. Блока «Интеллигенция и революция» 1918 г. Эту статью также стоит прочитать снова, ставя перед собой вопрос насколько она переосмыляется в постсоветской культуре. Хорошо помним, что соцреалистическая критика обычно излагает идеи Блока, разделяя его пафос и утверждая революционную идеологию в споре с «врагами революции». Так, например, Б. Соловьев включается в спор поэта с «хулителями и клеветниками революции» и к его апологии произошедшего исторического события: «[...] поэт видел в этом замысле, уже ставшемся реальностью самой жизни, исполнение надежд и чаяний

лучших людей всех эпох и народов» [Соловьев 1980: 673]. Странно, но сегодня некоторые литературоведы идут по тому же пути – реферативного изложения основных тезисов Блока и повторения его революционного пафоса. А. Доронина пишет: «Зачем бояться разрушения? Разрушенное – того заслужило, оно только казалось тем, что оно было. Вечное сохраняет память, а временное и неистинное должно гореть» [Доронина 2017].

Статья Блока вызывает интерес и своим публицистическим дискурсом. Исследователи публицистики поэта открывают в ней лирическое начало, музыкальность, метафоричность [Боровская, Бурукина 2015]. С точки зрения соотношения между революцией и культурой важно обратить внимание на развернутую метафору, которая содержит концептуализацию революции, осуществленную приемами символистической поэтики: «революция мировой циклон, который донесет в заметенные снегом страны теплый ветер и нежный запах апельсиновых рощ; увлажнит спаленные солнцем степи юга – прохладным северным дождем» [Блок 1982: 232]. Сопоставление революции с природным обновлением в этой метафоре вписывается в оппозицию природа – культура (один из знаков которой является библиотека). Если в поэзии Блока культуре (книге / чтению) противопоставляется любовь, в публицистическом тексте призыв к разрушению культуры / библиотеки мотивирован идеей социальной гармонии: «Не бойтесь разрушения кремлей, дворцов, картин, книг. Беречь их для народа надо; но, потеряв их, народ не все потеряет» [Блок 1982, т. 4: 235]¹.

В статье Блока утверждение ценности революции мотивировано антибуржуазным пафосом, неприятием пошлости («пошлятины»), воплощенной во всех институциях буржуазной культуры (Церкви, семье, государстве, школе). Подобное отвращение к пошлости является специфически русским феноменом (концептом). Нужно подчеркнуть, что в современной русской литературной критике осуществляется и дистанцированное, критическое осмысление идеи отрицания культуры

¹ В своей статье «Революция и культура» А. Белый, в отличие от Блока, не противопоставляет революцию культуре, а открывает в искусстве пересечение эволюционной энергии с революционной на уровне символики цвета – сочетания зеленого как знака роста с красным, огненным.

во имя борьбы с пошлостью. Дмитрий Быков, сравнивая Блока с Брюсовым и противопоставляя их на основе темы скифов, подсказывает эффект бумеранга в борьбе с пошлостью при помощи революционной стихии:

«Блок всю жизнь был от Брюсова далек – и тем страшней, тем горше, что под конец он ответил «да» его «Скифам» и вслед за ним благословил триумф дикости, которая опрокинула «пошлость» всемирной цивилизации – только чтобы утвердить ей на смену куда более ужасную пошлость скифства». [Быков 2013]

И Брюсов, и Блок продолжают творить после победы Октябрьской революции. Они не только принимают революцию, но и служат в советских учреждениях (по иронии судьбы Брюсов, воспевающий сожжение книг, заведует Московским библиотечным отделом при Народном комиссариате просвещения – Наркомпросе – в 1918–1919 гг.). Эти случаи говорят о драматизме отношений Поэта с властью.

Литература

Анненский, И. Ф. Идеал / И. Ф. Анненский // Избранные произведения. – Ленинград : Художественная литература, 1988.

Блок, А. А. Интеллигенция и революция / А. А. Блок // Собрание сочинений в шести томах. Т. 4. – Москва : Художественная литература, 1982. – С. 229–239.

Блок, А. А. Собрание сочинений : в шести томах. Т. 2. Стихотворения и поэмы 1907–1921 / А. А. Блок. – Ленинград : Художественная литература, 1980.

Боровская, А. А. Жанрово-стилевые особенности лирической публицистики А. Блока / А. А. Боровская, А. Ф. Бурукина // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2015. – № 2. – С. 60–69.

Бунин, И. А. Вечер / И. А. Бунин // Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 1. – Москва : Художественная литература, 1987.

Брюсов, В. Я. Стихи / В. Я. Брюсов. – Москва : Современник, 1972.

Быков, Д. Л. Сизифов блуд. Сто лет русской революции 1903-й. Urbi et orbi Валерия Брюсова / Д. Л. Быков. – Текст : электронный // Русская жизнь. – 15.02.2013. – URL: <https://ru-bykov.livejournal.com/1642380.html> (дата обращения: 24.09.2021).

Георгиев, Н. Писаха не само да се знае / Н. Георгиев // LiterNet. – 18.08.2004. – № 8 (57).

Доронина, А. Революция в мировосприятии русских символистов: Андрей Белый и Александр Блок / А. Доронина. – Текст : электронный // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. Русское издание. – 2017. – № 1. – URL: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss27.html#49> (дата обращения: 24.09.2021).

Матвеев, М. Ю. Книжные люди в русской литературе XX века / М. Ю. Матвеев // Библиотечное дело. – 2003 (А). – № 10. – С. 36–39.

Матвеев, М. Ю. Книжные люди в русской литературе XX века / М. Ю. Матвеев // Библиотечное дело. – 2003 (Б). – № 11. – С. 36–39.

Матвеев, М. Ю. Книжные люди в русской литературе XX века / М. Ю. Матвеев // Библиотечное дело. – 2003 (В). – № 12. – С. 41–43.

Матвеев, М. Ю. Книжные люди в русской литературе XX века // Библиотечное дело. – 2004. – № 1. – С. 41–43.

Матвеев, М. Ю. Философские идеи XX века и их влияние на имидж библиотек / М. Ю. Матвеев // Библиотечное дело. – 2008. – № 1. – С. 114–119.

Налегач, Н. В. «Читатель книг» Н. Гумилева и «Идеал» И. Анненского: к проблеме поэтического диалога / Н. В. Налегач. – Текст : электронный // Гумилевские чтения 2006 года : сборник материалов. – URL: www.gumilev.ru/main.phtml?cid=45010265.

Соловьев, Б. И. Поэт и его подвиг. Творческий путь Блока / Б. И. Соловьев. – Москва : Советский писатель, 1973.

Чавдарова, Д. Homo legens в русской литературе XIX века / Д. Чавдарова. – Шумен : Аксиос, 1997. – 141 с.

Эткинд, Е. Г. Разговор о стихах / Е. Г. Эткинд. – Москва : Детская литература, 1970. – 242 с.

Наблюдения над тематизацией книги / литературы / библиотеки / чтения в поэзии А. Блока и В. Брюсова приводят к выводу о столкновении осмысления поэта как Демиурга в художественной концепции символизма с аксиологизацией жизни в рамках оппозиции 'жизнь – литература / книга / чтение'. Отрицание упомянутых культурных ценностей во имя идеи «естественного человека» вписывает творчество символистов как в контекст русской литературы XIX века, так и в широкий европейский контекст (в плане синхронии и диахронии). Вместе с тем, проблематизация ценности книги / библиотеки в текстах Блока и Брюсова после Октябрьской революции, мотивированная идеей скифского начала русской культуры, продолжает линию нигилистического отрицания культуры 1860-х гг. и свидетельствует о антицивилизационной тенденции, которая приводит к парадоксальному самоотречению творца.

Tyszczyk, A. O poejiu wartosci negatywnej w literaturze / A. Tyszczyk // Problematyka aksjologiczna w nauce o literaturze. – Lublin : Katolicki Uniwersytet Lubelski, 1992. – S. 137-152.

References

- Annensky, I. F. (1988). Ideal [Ideal]. In *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.
- Blok, A. A. (1982). Intelligentsiya i revolyutsiya [Intelligentsia and Revolution]. In *Sobranie sochinenii, in 8 vols*. Vol. 4. Moscow, Leningrad, GIKhL, pp. 9-20.
- Blok, A. A. (1980). *Sobranie sochinenii: v shesti tomakh* [Collected Works, in 6 vols]. Vol. 2. Stichtovoreniya i poemu 1907–1921. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura.
- Borovskaya, A. A. Burukina, A. F. (2015). Zhanrovo-stilevye osobennosti liricheskoi publitsistiki A. Bloka [Genre-Stylistic Characteristics of the Lyrical Publicism of Blok]. In *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. No. 2, pp. 60-69.
- Bryusov, V. Ya. (1972). *Stikhi. Poemy* [Poems]. Moscow, Sovremennik.
- Bunin, I. A. (1987). Večer [Eve]. In *Sobranie sochinenii: v 6 t*. Vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.
- Bykov, D. L. (2013). Sizifov blud. Sto let russkoi literatury 1903. Irbi et orbi V. Bryusova [Sisyphean Fornication. 100 Years of Russian Literature 1903. Urbi et orbi by V. Bryusov]. In *Russkaya zhizn'*. 15.02.2013. URL: <https://ru-bykov.livejournal.com/1642380.html> (mode of access: 24.09.2021).
- Chavdarova, D. (1997). *Homo legens v russkoi literature XIX veka* [Homo legens in Nineteenth-Century Russian Literature]. Shumen, Aksios. 141 p.
- Doronina, A. (2017). Revolyutsiya v mirovospiyatii russkikh simvolistov: Andrey Belyi i Aleksandr Blok [Revolution in the Worldview of Russian Symbolists: A. Bely and Al. Blok]. In *Forum noveishei vostochnoevropskoy istorii i kultury. Russkoe izdanie*. No. 1. URL: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss27.html> 49 (mode of access: 24.09.2021).
- Etkind, E. G. (1970). *Razgovor o stikhakh* [A Conversation on Poems]. Moscow, Detskaya literatura. 242 p.
- Georgiev, N. (2004). Pisakha ne samo da se znae [They Wrote Not Only So That It Will Be Known]. In *LiterNet*. No. 8 (57).
- Matveev, M. Yu. (2003 A). Knizhnye lyudi v russkoi literature XX veka [Book People in 20th Century Russian Literature]. In *Bibliotechnoe delo*. No. 10, pp. 36–39.
- Matveev, M. Yu. (2003 B). Knizhnye lyudi v russkoi literature XX veka [Book People in 20th Century Russian Literature]. In *Bibliotechnoe delo*. No. 11, pp. 41–43.
- Matveev, M. Yu. (2003 C). Knizhnye lyudi v russkoi literature XX veka [Book People in 20th Century Russian Literature]. In *Bibliotechnoe delo*. No. 12, pp. 40–43.
- Matveev, M. Yu. (2004). Knizhnye lyudi v russkoi literature XX veka [Book People in 20th Century Russian Literature]. In *Bibliotechnoe delo*. No. 1, pp. 40–43.
- Matveev, M. Yu. (2008). Filosofskie idei XX veka i ikh vliyanie na imidzh bibliotek [Philosophical Ideas of the 20th Century and Their Influence on the Image of Libraries]. In *Bibliotekovedenie*. No. 1, pp. 114–119.
- Nalegach, N. V. (2006). «Chitateli knig» N. Gumileva i «Ideal» I. Annenskogo: k probleme poeticheskogo dialoga [“The Book Reader” by N. Gumilev and “Ideal” by I. Annensky: Towards the Problem of Poetic Dialogue]. In *Gumilevskie chteniya 2006 goda: sbornik materialov*. URL: www.gumilev.ru/main.phtml?cid=45010265 (mode of access: 24.09.2021).
- Solovov, B. I. (1980). *Poet i ego podvig. Tvorcheskii put' Aleksandra Bloka* [The Poet and His Feat. The Creative Path of Blok]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 784 p.
- Tyszczyk, A. (1992). O poejiu wartosci negatywnej w literaturze [On the Notion of Negative Value in Literature]. In *Problematyka aksjologiczna w nauce o literaturze*. Lublin, Wydawnictwo Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, pp. 137–152.

Данные об авторе

Чавдарова Дечка – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы, Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Шумен, Болгария).

Адрес: 9701, България, Шумен, ул. Александра Пушкина, 4.

E-mail: d.tchavdarova@gmail.com.

Authors' information

Chavdarova Dechka – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Literature, Konstantin Preslavsky University of Shumen (Shumen, Bulgaria).